

Б-82

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. Г. БОРУХОВИЧ

ГРЕКИ В ЕГИПТЕ

(От древнейших времен до Александра Македонского)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЛЕНИНГРАД, 1966 г.

Диссертация выполнена при кафедре всеобщей истории Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Защита диссертации состоится на заседании Ученого Совета исторического факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова

„ — “ ————— 1967 г.

Автореферат разослан „ — “ —————

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие двух культур: Эллада и Египет

Проблема генезиса классической греческой культуры, многогранная и сложная, заключающая в себе дополнительные трудности вследствие большого количества белых пятен в области древнейшей истории Эллады и неясности этногенеза греков, не принадлежит к числу тех, которые находятся в центре внимания исследователей. Вместо анализа данных, имеющихся в источниках, на Западе часто предпочитают просто говорить о «греческом чуде» (*Le miracle grec*)¹. Влияние восточных элементов на становление классической культуры греков иногда признается, но при этом всячески подчеркивается, что оно не играло существенной роли. Противопоставление Западу Востоку становится в XIX, а особенно в XX веке общим местом буржуазной историографии, достигая особой остроты в работах шовинистически настроенных германских ученых. Такое противопоставление является методологически неверным: уже в конце III тыс., а особенно к середине II тыс. до н. э. Восточно-Средиземноморский мир представлял собой определенное единство. Населявшие его народы находились в живом и часто непосредственном общении, благотворное влияние которого особенно ясно видно на примере взаимоотношений Эгейской и древнеегипетской культур. С этой точки зрения культура Эллады и Древнего Востока могут рассматриваться как ступени единой в своих художественных связях Восточно-Средиземноморской культуры, в процессе развития которой греческая цивилизация составила высшую ступень.

У греков — этих, по выражению Маркса, «нормальных детей» в семье народов древнего мира, — было необыкновенно развито чувство интереса к иноземным цивилизациям: они с необыкновенной легкостью вступали в деловые и культурные контакты с самыми различными народами древности. Как

¹ Deonna W., *Du miracle grec au miracle chrétien*, Basel, 1946; Cohen R., *La Grèce et l'hellénisation du monde antique*, P. 1934, p. XLVII.

правило, в архаическую и раннюю классическую эпоху расовое высокомерие и исключительность были грекам совершенно чужды (теория Аристотеля, что все варвары — по природе рабы, появилась в период кризиса полиса). Указанная выше особенность мировоззрения греков раннего периода нашла свое наиболее яркое выражение в бессмертном труде Геродота. Он постоянно подчеркивает величие культур Востока и их значение в развитии греческой цивилизации. Особенно сильное влияние на раннюю греческую культуру оказал Египет. Идея греко-египетского единства в области культуры лежит в основе всего египетского логоса Геродота.

Интенсивные контакты между Элладой и Египтом оставили глубокие следы в области раннего греческого искусства, науки, литературы. Архаическая греческая скульптура с характерной для нее неподвижной прямо стоящей фигурой следует, как это доказал Иверсен, позднеегипетскому искусству¹. Традиция сохранила имена греческих художников, обучавшихся искусству в Египте.

Для греческих ученых архаического и раннеклассического периода, а также и более позднего времени, путешествие в Египет было тем же, чем стало впоследствии для римских литераторов и ученых путешествие в Афины. Египет был для греков страной глубочайших и таинственных знаний: о мудрости египетских жрецов рассказывались легенды, а египетские врачи считались искуснейшими в мире. В своем стремлении приписывать влиянию Египта различные достижения культуры греки доходили до того, что даже собственные изобретения выдавали за египетские заимствования (примеры этому мы находим у Геродота).

Одним из первых известных нам путешественников, посетивших Египет не только с торговыми целями, был Солон. В VI веке такие путешествия становятся обычными. Посетил Египет с научными целями Фалес, учение которого о воде, как первооснове всех вещей Аристотель считал вынесенным из Египта: то же сообщается о его математических и астрономических знаниях. Фалес был милетянином, не только ученым, но и купцом: открытия его были вызваны к жизни насущными потребностями морской торговли. Милет торговал

¹ Jversen E. The egyptian origin of the archaic greek canon, Mitt. d. deutsch. arch. Instit., 15, 1957, стр. 145; Cf. Gilbert P. L'unité de la statue égyptienne et l'unité de la statue grecque de type athlétique, Chron. d'Égypte, 29, 1954, стр. 195; Dobrovits A., Le problème de la frontalité dans sculpture égyptienne et grecque, Acta Antiqua, 7, 1959, стр. 39; Glanville S. R., The Legacy of Egypt, Oxf. 1947, стр. 107.

с Египтом: традиционные связи этого крупнейшего греческого города с городами Египта оказали влияние и на учение другого милетского философа — Анаксимандра.

Многие европейские авторитеты в области истории античной философии (напр., Эд. Целлер) сомневались в том, что Пифагор побывал в Египте: однако, античная традиция¹ находит подтверждение этому в особенностях пифагорейского учения и обычаях пифагорейцев. Такими несомненно заимствованными у египетских жрецов обычаями пифагорейцев являются запреты употреблять в пищу рыбу, бобы; постоянная забота о чистоте тела и одежды характерна для пифагорейцев так же, как для египетских жрецов-уабов². Учение пифагорейцев о палингенесии может также, по-видимому, иметь египетское происхождение³.

Путешествие в Египет совершил также Демокрит. Известен отрывок. В 299, где он говорит о египетских «гарпедонаптах». Это вовсе не уничижительное название, как полагают некоторые (Ср. Schmid W., Geschichte der griechischen Literatur, V. V, стр. 314, прим. 2). «Гарпедонапты» — термин, общепринятый у греческих ученых, они называли так своих египетских коллег, как видно из слова *kaleomenoi*, употребленного Демокритом. Характерный стиль этого отрывка заставляет считать его подлинным высказыванием Демокрита.

Путешествие в Египет с научными целями совершил Платон, и впечатления, которые он оттуда вынес, наложили отпечаток на его социологические взгляды. Пребывание Платона в Египте датируется приблизительно 398—395 гг. до н. э. Следы пребывания Платона в Навкратисе заметны в диалоге «Федр», где в уста Сократу вложена легенда, носящая черты местного происхождения. Платон побывал в Мемфисе и в Саисе, знаменитом своим культом богини Нейт. В мифе об Атлантиде, изложенном в диалогах «Тимей» и «Критий», описывается прилегающая к Атлантиде местность: она представляет собой территорию, прорезанную сеткой каналов, пересекающихся под прямыми углами. По-видимому, описание этой местности скопировано Платоном с местного пейзажа дельты Нила. В диалоге «Законы», а особенно в «Государстве» Платон не скрывает своего восхищения кастовым устрой-

¹ Capelle W., Die Vorsokratiker, zw. Aufl., V. 1961, стр. 98 слл., даже не упоминает об этой традиции.

² Глагол *w'b*, «быть чистым», с детерминативом «человек» обозначал жреца. Жрецы — уабы должны были ходить в белых одеждах и сандалиях.

³ Эпитет покойника, вошедший в употребление со времен XVIII династии — *whm 'nh* — означает «повторяющий жизнь». Ср. Diog. Laert., I, 11.

ством египетского общества. Известное положение Маркса о том, что идеальное государство Платона представляет собой «афинскую идеализацию египетского кастового строя» (К. Маркс, Соч., т. 23, стр. 379) подтверждается на большом материале сочинений Платона.

О прочных связях с Египтом говорят частые упоминания об этой стране в произведениях греческих писателей.

Традиционный интерес представителей греческой культуры к Египту может быть понятен только как результат длительных и прочных связей.

Глава I. Эллада и Египет в древнейший период (III—сер. II тыс. до н. э.)

Важнейшей территорией древней Эллады, связи которой с Египтом можно проследить уже в III тыс. до н. э., является Крит. Особенно интенсивными они становятся во времена фараонов Среднего царства Сенусерта II (1896—1887) и Аменхета III (1849—1801). Египетские памятники находят в слоях SM II периода (XX—XVIII вв. до н. э.). В эпоху Нового царства связи Крита с Египтом становятся еще более тесными: Кефтиу, изображения которых мы находим на стенах гробниц вельмож Нового Царства (Сенмут, Рехмире, Менхеперрасенба и др.) несомненно являются носителями Эгейской культуры (они носят критскую одежду, обувь: предметы, которые они несут в качестве дани, также часто имеют критское происхождение). Так называемый минойский натурализм (стиль критского искусства), по-видимому, возник под влиянием искусства Амарны (Кантор полагает, что изображения животных на фресках фиванских гробниц создавались под влиянием критского искусства, но это менее вероятно, так как мы видим, как критяне вместе с особенностями стиля заимствуют и сюжеты, чего нельзя указать для искусства Амарны). Изображение папируса — который не растет на Крите — широко встречается у художников ПМ I периода (1580—1450). Можно предполагать, что на Крит проникли и египетские религиозные церемонии.

Гаванью критских кораблей в Египте мог стать остров Фарос. В начале XX века здесь были обнаружены остатки портовых сооружений, относящихся, по мнению некоторых, ко времени Нового царства¹.

¹ Jondet G., Les ports submerges de l'ancienne île de Pharos, Memoires presentes a l'Institute Egyptien, IX, 1916.

Носители микенской культуры могли поддерживать контакты с Египтом, используя в качестве посредников минойцев. Золотые маски на лицах покойников, обнаруженные в шахтных гробницах Микен, свидетельствуют, по мнению Перссона, о заимствовании египетских погребальных обрядов. В текстах линейного письма В мы находим слово ai-ku-pi-ti-jo (оно прочитано Беннетом, соединившим таблички В 1105 и X 1446). Это слово Палмер считает именем собственным¹.

По следам минойцев двинулись ахейские колонисты, проникшие в XIV в. на Родос и Кипр.

В Египте находят керамику Позднемикенского I и II периодов, но наиболее частыми являются находки керамики Позднемикенского III периода, или Мик III A (1425—1300) и начала Мик III B (1300—1230). Стаббингз приходит к выводу, что она происходит отсюда же, откуда проникала керамика микенского типа в Палестину и Сирию, то-есть с Родоса и Кипра². В греческих поселениях на материке, относящихся ко времени Поздней бронзы, находят египетские предметы в небольшом количестве, и в большинстве они относятся ко времени XVIII и XIX династий. Это как раз то время, когда внешние связи Египта достигают наибольшего размаха. Микенско-египетские связи можно проследить на целом ряде объектов, найденных в Микенах³.

Глава II. Ахейцы в Малой Азии

Надписи фараонов Минептаха и Рамзеса III послужили основанием для предположения, что ахейцы делали попытки завоевать Египет. Исследователи обычно связывают, исходя из хронологических и иных данных, этот вопрос с хеттскими документами о государстве Аххиява: вероятность существования этого предполагаемого ахейского государства усиливает вероятность гипотезы, будто в надписях указанных фараонов упоминаются греки-ахейцы и данайцы.

Вопрос о государстве Аххиява оказался в центре внимания ученых с тех пор, как А. Гётце и Э. Форрер открыли это племенное название в документах из Богазкёя. Хотя Гётце проявил известную осторожность в идентификации этого названия с греческим племенным обозначением ахейцев, Форрер с уве-

¹ Palmer L. R. The interpretation of Mycenaean greek Texts, Oxf. 1963, стр. 179.

² Stubbings F., Mycenaean Pottery from Levant, Gambr. 1951, стр. 100.

³ Capovilla G., L'Egitto e il mondo miceneo, Aegyptus, 1960, f. 1—2, стр. 33.

ренностью заявлял, что Аххиява — ахейское государство, отождествляя собственные имена представителей Аххиявы типа Аттариссия, Антаравы с греческими именами Атрей, Андревс¹. Ф. Зоммер, издавший хеттские документы, в которых упоминается Аххиява, предостерегал тех, кто увлеклся подобными отождествлениями². Тем не менее Вебстер считает отождествление Аххиявы с ахейским государством общепризнанным³. Против указанного отождествления решительно высказался Форсдаик⁴.

Необходимо отметить, что вопрос о локализации Аххиявы еще не решен. Шахермейр полагал, что это государство находилось в Малой Азии или вне ее, но такое решение слишком неопределенно⁵. Мало убедительны также рассуждения Пэйджа, высказывающегося за то, что Аххиява была расположена на острове Родосе⁶. Важнейшим документом является так называемый «Текст Тавагалавы»: некий мятежный хетт Пиямарадущ, восставший против хеттского владыки, время от времени вторгается на территорию хеттов, но находит убежище на территории Аххиявы, как только хеттский царь выступает против него. Это возможно лишь при локализации Аххиявы на территории Малой Азии, так как из источников (Ср. АУХVIII и АУХVI) следует, что Аххиява имела общую с хеттами границу. Вряд ли можно допустить, что эти периодические вторжения в страну хеттов производились с Родоса: прекрасная конница и боевые колесницы хеттов легко настигли бы отступающих к побережью врагов. По-видимому, царь хеттов вынужден был считаться с государством Аххиява, судя по тону текста Тавагалавы, и не решался преследовать своего врага на чужой территории.

О языке, на котором говорили обитатели Аххиявы, мы можем судить только на основании собственных имен. Известные нам имена — Тавагалава, его брат Лахурцис, Аттариссия, может быть, Атпас и Авайяна — непохожи на греческие. Пэйдж

¹ Forrer E., Ausbeute aus den Bognazkoi Inschriften, Mitt. d. deutsch. morgenland. Gesellschaft, LXIII, 1924, стр. 1; id., Die Griechen in den Bognazkoi Texten, OLZ, XXVI, 1924; id., La decouverte de la Grèce mycénienne dans les textes cuneif. de l'empire Hittite, REG, XLIII, 1930, стр. 279.

² Sommer F., Die Ahhijava Urkunden, S B B A W, NF, 1934, 9, стр. 1.

³ Webster T. B. L., From Mycenae to Homer, L. 1958, p. 9.

⁴ Forsdike J., Greece before Homer, L. 1956, стр. 83.

⁵ Schachermeyr F., Hethiter und Achaer, Mitt. d. deutsch. altorient. Gesellschaft, IX, 1935, стр. 52.

⁶ Page D. L., History and Homeric Iliad, 1959, стр. 3.

и Шахермейр, защищающие тождество Аххиявы с государством ахейцев, вынуждены это признать: Шахермейр отмечает даже малоазиатский характер этих имен. В качестве единственного аргумента в пользу «ахейской» гипотезы выдвигается только созвучие слов «Аххиява» и греческого слова «Ахайвой»: однако, уже Зоммер отмечал, что греческий придыхательный согласный X не соответствует хеттскому ларингальному *hh*.

Отношения между Аххиявой и хеттами, как показывает «Текст Тавагалавы» и другие документы, говорят о наличии близости, и, возможно, даже этнического родства этих государств. Так, например, Дабала-Даттас, возникший хеттского царя, был в свое время возникшим братом царя Аххиявы, а также Тавагалавы. Атпас и Авайяна, подданные царя Аххиявы, женятся на дочерях хетта Пиямарадуща (этот брак не был продиктован политическими соображениями, ибо он не был браком династического характера, практиковавшимся на Востоке.). Наиболее раннее упоминание Аххиявы в хеттских документах содержит упоминание о том, как хеттский царь Шуппилиумаш ссылает туда свою жену. На этом основании Форрер заключал, что эта жена — ахейская принцесса. В действительности, как справедливо отмечает Гэрни, из этого факта вытекает только наличие дружеских отношений между хеттским государством и Аххиявой¹.

Среди надписей микенского линейного письма В мы находим табличку C914², в которой встречается локатив a-ka-wi-ja-de, «в Ахею». Но контекст надписи не позволяет видеть здесь Аххияву, хотя на этом настаивают Вентрис и Чадвик, издавшие собрание надписей линейного письма В³. Напротив, Северин с полным правом подчеркивает, что здесь имеется в виду скромное поселение на Крите; а не могучее государство Аххиява...⁴. Археологические данные не позволяют предполагать существование на территории Греции в XV—XIV вв. большого централизованного государства⁵.

Наконец, следует подчеркнуть, что в Богазкёе не найдены предметы микенского ремесла⁶. Сношения между хеттами и

¹ Gurney O. R., The Hittites, L. 1952, стр. 46.

² Ventris M., Chadwick J., Documents in Mycenaean Greek, 1956, 138.

³ Ук. соч., стр. 209.

⁴ Severyns A., Grèce et Proche-Orient avant Homère, Bruxell. 1960, стр. 166.

⁵ Vermeule E. T., The Mycenaean in Achaia, A J A, LXIV, 1960, стр. 3.

⁶ Laroche E., Importations myceniennes à Boghaz-Köi, MINOS, III, 1954, I, стр. 8.

эгейским миром могли быть опосредствованными¹. Раскопки на юге Малой Азии не позволяют пока предполагать существование в XIV в. ахейского государства на этой территории².

Глава III. Ахейцы и морские народы, напавшие на Египет в конце XIII — нач. XII вв. до н. э.

В надписях фараона Минептаха (ок. 1230—1220 гг. до н. э.) о нападениях «Морских народов» упоминается народ *iqiws*. Название *iqiws* вокализуется египтологами *Aqiyawasa* или *Aqiyasa*. Надписи сообщают, что в пятый год правления Минептаха Египет подвергся нападению со стороны коалиции народов во главе с вождем Мериуи, ставшим во главе ливийских (Ли-бу) племен. Кроме Либу, египетские источники называют племена Машауаша и Кехек. Они начали с того, что захватили пограничную с Египтом область Техену, затем два оазиса. В составе войск Мериуи были также народы Акайваша, Туруша, Шардана, Шекелеша и Луку. Указанные народы выступают в надписях как народы северного происхождения, и «народы моря».

С народами моря мы встречаемся также в надписях храма Мединет-Абу, воздвигнутого Рамзесом III. Сравнивая памятники Минептаха и Рамзеса III, можно заметить, что в них повторяются некоторые названия: но Акайваша встречаются только в памятниках Минептаха. В последних «народы моря» движутся на Египет из Ливии, то-есть с Запада. Напротив, в надписях Рамзеса III «народы моря» разгромили Хета, Коде, Кархемьш, Арцаву и Кипр. Таким образом, они двигались на Египет с Востока, через Малую Азию и Сирию. В надписях Рамзеса III встречаются Дайниуна (*D-in-iw-n*), которых нашли возможным отождествить с данайцами «Илиады». Но скорее здесь имеется в виду народ Дануна, упоминаемый в текстах Амарны и в надписях Каратепе: язык Данана из надписей Каратепе сходен с хеттским или лувийским. Мертенс, стремясь увидеть в них во что бы то ни стало данайцев «Илиады», допустил, что греки ко времени составления надписей Каратепе (VIII в. до н. э.) изменили свой язык, женившись на туземках после расселения в районе Аданы: допущение это, однако, совершенно произвольно.

В одной из фиванских гробниц (Усерамуна, ок. 1476 г. до н. э.) мы находим изображение данников с «Островов, нахо-

¹ Bittel R., Guterbock H., A P A W, 1935, 1, стр. 5—90.

² Hanfmann G., Archaeology in Homeric Asia Minor, A J A, LII, 1918, стр. 138.

дящихся посредине моря». Внешность и костюм этих данников обличает их эгейское происхождение. Веркутте приходит к выводу, что здесь изображены представители микенцев, обитавших на материке и греческих островах: одновременно он отождествляет их с морскими народами. Но соображения хронологического порядка заставляют видеть в них минойцев, колонизовавших близкие к Криту острова Эгеиды (Родос, Карпатос, Касос). Последние острова лежат на традиционном пути из Египта на Крит, и положение их как нельзя лучше соответствует названию «Островов посреди моря». Последнее название начинает особенно часто встречаться в период, к которому относятся наиболее оживленные связи Египта с Критом. Следы минойской колонизации открыты на этих островах, и у Диодора (V, 54, 4) мы находим интересное свидетельство о том, что критяне во времена Миноса колонизовали Карпатос. В исторические времена на этом острове существовало население, называвшееся (этеокарпатыне) («истинные карпатыне»), что заставляет вспомнить «этеокритян» известного места «Одиссеи» (см. SIG³, I, 129).

Привлечение фактов истории греческого языка для выяснения отношений между греками и Египтом в конце II тыс. до н. э. дало очень немного. Проблему проникновения египетских слов в ахейскую речь исследует П. В. Эрнштедт в статье «Море и мореплавание в словарных египтизмах ахейской речи»¹. Но египетское происхождение тех шести слов, которые анализирует автор, не может считаться доказанным: предпосылка, из которой исходит автор — а именно то, что ахейцы обязательно должны были учиться технике мореплавания у египтян — просто неверна. Египтяне не были народом мореплавателей, не любили моря и даже не имели морских богов — как справедливо отмечают авторы известного комментария к Геродоту².

Материал, накопленный к настоящему времени, позволяет придти к выводу, что между Египтом и материковой Грецией во второй половине II тыс. до н. э. могли существовать какие-то отношения, характер которых остается недостаточно выясненным. До середины XV в. до н. э. они развивались, скорее всего, через Крит. Сильнейшее критское влияние проявилось и в том, что греки материка усвоили силлабическую систему письма,

¹ Сборник статей в честь акад. В. В. Струве, «Древний мир», М., 1962, стр. 513 слл.

² How W., Wells J., A commentary on Herodotus, Oxf. 1957, t. 1, стр. 191.

так мало соответствующую духу греческого языка, от минийцев.

Гипотеза, отождествляющая «морские народы», напавшие на Египет в конце XIII — нач. XII века, с греками-ахейцами, представляется нам недостаточно обоснованной.

Глава IV. Ахейцы в традиции об основании Кирены

Проникновение греков в Египет тесно связано с широким колониационным движением, в процессе которого они основывали многочисленные поселения в самых отдаленных частях Средиземноморского бассейна и Черного моря: именно в этот период на североафриканском побережье были основаны Кирена (в Ливии) и Навкратис в Дельте Нила, отстоящие друг от друга более чем на 800 км. Поэтому трудно предполагать, будто они возникли в результате одного и того же колониационного потока: однако, нет оснований предполагать, что разница во времени основания обеих колоний могла быть очень велика.

Менее вероятно, что микенские греки могли поддерживать непосредственные связи с Ливией до проникновения на Крит — то-есть до середины XV в. до н. э. Археологические данные, которые могли бы подтвердить присутствие греков на территории Ливии во второй половине II тыс. до н. э., отсутствуют.

Первые сообщения греков о Ливии, которые мы находим в «Одиссее» носят чрезвычайно общий и расплывчатый характер (IV, 85—89). Путь в эту страну был известен финикийским купцам (XIV, 295 сл.). Последний рассказ можно поставить в связь с финикийской колонизацией Ливии, которая стала особенно интенсивной в IX—VIII вв. до н. э.

Важнейшим источником по истории греческой колонизации Ливии и основанной там Кирены является рассказ Геродота (IV, 150 сл.). Царь Феры Грин, получивший от оракула повеление основать Кирену, не знал даже, где находится Ливия. Жители Феры отправились на Крит и только в Итаносе некий Коробий сообщил им, что однажды ветры занесли его корабль в Ливию. Геродот приводит и другую версию об основании Кирены, рассказанную ему самими жителями этой колонии: для этой версии характерна тенденция связать историю Кирены с Критом.

В труде Геродота рассказу о колонизации Кирены предшествует сообщение о заселении греками метрополии Кирены — острова Феры. Предками жителей Феры оказываются минийцы, внуки аргонавтов, изгнанные пеласгами с Лемноса.

Предание о колонизации Феры доносит до нас отзвук традиции о действительно имевших место передвижениях греческих племен, в результате которых произошло заселение греками Киклад. Племя минийцев, связанное с мифами об Орхомене и аргонавтах, выступает как зачинатель этого колониационного процесса: традиция о минийцах позволяет установить их связь с микенской цивилизацией.

Сохраненные Геродотом предания позволяют хорошо проследить ахейские элементы в истории колонизации Феры: однако, нет оснований, которые могли бы подтвердить, что ахейцы проникли и на территорию Ливии.

Окутанную дымкой легенды традицию об основании Кирены доносят до нас и Пифийские оды Пиндара (IV, V, IX), а также схолии к одам VII Истмийской и V Пифийской. На основании содержащихся там данных можно с уверенностью говорить об участии рода Эгеидов в колонизации Кирены: но нет никаких оснований предполагать наличие ахейцев в районе Кирены до колонизации ее Ферой. Как данные Геродота, так и известная генеалогия киренских царей Баттиадов позволяет точно установить дату основания Кирены — 631 г. до н. э.

В V Пифийской оде Пиндара упоминаются другие, этнически отличные от греков жители Кирены — троянцы Антенориды, в которых скорее всего следует видеть какое-то местное племя ливийцев. Действительно, Геродот рассказывает нам об одном из ливийских племен, которое претендовало на происхождение от троянцев (IV, 191). Для греческих поэтов вообще было характерно изображение не-греческого населения, с которым грекам приходилось сталкиваться, в виде троянцев. Реконструируя в художественных целях мифы, сложившиеся в процессе колонизации греками южных районов Средиземноморья, Пиндар смотрит в данном случае на Ливию сквозь призму троянского цикла мифов.

Отстаивавший идею ранней фессалийской колонизации Кирены Герке вынужден был, однако, признать, что данные, которые сообщает нам Пиндар, не расходятся с тем, что сообщает Геродот об основании этой колонии.

При рассмотрении мифологической традиции об основании Кирены целесообразно подвергнуть анализу и миф об эпонимной богине этого города, нимфе Кирене. Этот миф изложен в IX Пифийской оде Пиндара. Многое из того, что рассказано здесь поэтом, представляет собой *vaticinium ex eventu*. Пророчество о населении Кирены, которое должно состоять из островитян, могло появиться в результате инициативы, проявленной

Дельфами во времена Батта II: на призывный клич Пифии, пригласившей греков переселиться в Ливию, откликнулись прежде всего жители Крита и островов.

Поздний характер тех вариантов мифа, которые переносят его действие на территорию Ливии, приводит к выводу о недостаточной обоснованности попыток отыскать в них следы первоначальной, а затем забытой колонизации Ливии.

Данные античной литературной традиции об основании Кирены (Геродот, Пиндар) получили веское подтверждение в надписи, известной под названием «Стелы основателей», открытой в Кирене¹. Хотя эта надпись относится к первой половине IV в. до н. э., содержание ее во многом совпадает с версией Геродота об основании Кирены жителями Феры. Следует считать вероятным, что в этой надписи воспроизведены основные моменты древнего постановления жителей Феры об основании Кирены. Из надписи видно, что колония выводилась в район, еще не освоенный греками, и основатели не были уверены, смогут ли они утвердиться в Ливии.

Данные античных источников не позволяют говорить о колонизации греками Ливии ранее VII века до н. э. Такая точка зрения согласуется с нашими сведениями о греческой колонизации, в результате которой греки заселили самые отдаленные районы бассейна Средиземноморья. Время этого проникновения — VIII и VII вв. до н. э.

Глава V. Гомер и Египет

Отношение гомеровских поэм к Востоку является той проблемой, которая до сих пор еще не нашла удовлетворительного освещения. Попытки сопоставления греческого эпоса с памятниками литературы Древнего Востока оказались мало плодотворными. В работе «Эпос Гильгамеша и «Одиссея» (1923 г.) Артур Унгнад отметил ряд совпадающих мотивов в эпосе Гильгамеша и гомеровском эпосе, но все они носят слишком общий характер деталей волшебной сказки, с которыми можно встретиться в произведениях устного народного творчества самых различных народов. Сходный характер носят сопоставления, сделанные Вебстером².

Свойственный эпосу широкий охват действительности не мог не способствовать тому, что в орбите видения эпического

¹ SEG, IX, 3; Oliverio G., Riv. Fil. Class., 56, 1928, p. 222; Chamous F., Cyrène sous la monarchie des Battiades, P. 1953, стр. 105.

² Webster T. B. L., Homer and Eastern Poetry, M I N O S, 1956, стр. 104.

поэта оказался и Восток. Следует считать естественным, что наиболее часто в эпосе упоминается та страна, с которой греки были в эту эпоху более всего знакомы — Египет. Представления об этой стране, отраженные в поэмах, особенно важны потому, что соотнесение их с определенной эпохой может иметь значение для гомеровской проблемы в целом.

Путь проникновения греков в Египет указан в «Одиссее»: он проходил через Кипр и Финикию (IV, 83 слл.). Но был и прямой путь, при котором исходным пунктом являлся остров Крит (XIV, 252 слл.). Сальмон называет эти два пути соответственно Западным и Восточным¹.

Главным городом Египта у Гомера являются Фивы. Некоторые полагают, что в образе стовратных Фив в «Илиаде» сохранена традиция о пышной столице Нового Царства: расцвет Фив относится к XV и XIV вв. до н. э., после чего значение древней столицы начинает падать. Но все остальные особенности исторического фона гомеровских поэм не позволяют допустить, что греки сохранили в своей традиции воспоминание об этой древней столице. Неясно и то, почему греки называли привычным для себя именем город, который по-египетски назывался Но-Амун (он назывался еще w; š t или njw.t)².

Из остальных упоминаний Египта в эпосе ясно видно, что греки в эпоху создания поэм знали только Дельту: дальше греки не проникли. Об этом прямо говорит Геродот (II, 15), подчеркивая, что это свойственное ионийцам представление. Ионийцы и были первыми греками, посещавшими Египет: египтяне называли греков, (как и весь Ближний Восток) Яван. Поэтому следует предположить, что под Фивами гомеровского эпоса скрывается какой-то город Дельты. Название столицы Нижнего Египта — Деп — содержит звуковой комплекс, несколько сходный с соответствующим греческим, хотя и полагают, что египетское D не могло дать глухого аспирированного T в греческом. Все же происхождение греческого названия остается недостаточно ясным.

Автор «Одиссеи» употребляет слово «Египет» в двух значениях — реки Нила (III, 300: IV, 477, 581: XIV, 257: XVII, 427) и страны, им орошаемой (III, 299: IV, 483). Названия

¹ Salmon P., La politique égyptienne d'Athènes, Br. 1965, стр. 7.

² Часть Фив, расположенная по левому берегу реки, по мнению некоторых ученых называлась ipet, откуда производят коптское «ТАРЕ» и греческое слово «Фивы»: но и эта этимология не представляется достоверной.

«Нил» Гомер не знает: оно попало в греческий язык позже и было, по-видимому, заимствованием из семитических языков, где это слово означает «река», «поток».

Рассказ «Одиссеи» (XIV, 257 слл.: 270 слл.) рисует картину вторжения греков в Египет. Холл (САН, III, 1960, стр. 292) склонен отнести время, отраженное в этом рассказе, к началу VIII в. до н. э.

В рассказе интересна одна характерная деталь: финикийский купец, замысливший продать Одиссея в рабство, отправляется для этой цели в Ливию (XIV, 292 слл.). Колонизационную деятельность финикийцев в Ливии относят к концу X—нач. IX вв. до н. э. Окончание колонизационной деятельности финикийцев в Ливии относят к рубежу IX—VIII вв. (Harden D., *The Phoenicians*, L. 1962, стр. 63). Это подтверждается в какой-то мере и традиционной датой основания Карфагена (814 г. до н. э.). Данные археологии подтверждают торговую активность финикийцев, нашедшую такое яркое отражение в эпосе: ее относят к IX—VIII вв. до н. э.

В «Одиссее» Египет, Эллада и Кипр выступают в качестве стран, тесно связанных друг с другом. К этому времени греки уже прочно обосновались на Кипре (один из греческих царей Кипра, Дметор Иасид — возможно, лицо историческое — упоминается в «Одиссее») и начали проникать в Египет.

В качестве египетской базы греческих кораблей в гомеровском эпосе выступает остров Фарос; о нем подробно рассказывается в «Одиссее» (IV, 355 слл.). Итератив *Kikleskousi* указывает на частое употребление имени этого острова: он обладает прекрасной гаванью, откуда корабли выходят в море с запасом питьевой воды. Описание носит поразительно конкретный характер, и говорит о детальном знакомстве греков с этим районом: оно могло выйти из уст человека, не раз плававшего в Египет. Однако, в противоположность этому конкретному описанию, здесь же сообщается, что Фарос отделен от Египта расстоянием в один день пути — тогда как в действительности Фарос почти смыкается с землей Дельты. Уже Страбон обратил внимание на эту нелепость¹. Древние авторы — Плиний, Сенека, Помпоний Мела — пытались объяснить это тем, что в глубокой древности Фарос был значительно более отдален от материка, но затем аллювиальные наносы приблизили остров к берегу. Однако, по подсчетам современных ученых, для этого понадобились бы десятки тысячелетий.

¹ 1, 37, 58.

На наш взгляд, существует возможность иного решения вопроса. На ближнем Востоке понятия «Египет» и «столица Египта», Мемфис, обозначались одним термином — *Hikupta*¹. Если принять, что в указанном месте «Одиссеи» под словом «Египет» имеется в виду Мемфис, то все становится на свои места. Принимая во внимание, что расстояние от Крита до Египта в рассказе Одиссея корабль проходит за пять дней (около 500 км — см. XIV, 252 слл.), то за один день он мог проплыть около 100 км — а именно таково расстояние, отделяющее Фарос от Мемфиса. Но так как плыть приходилось против течения, нужен был еще попутный ветер, и об этом также упоминается в цитированном месте «Одиссеи» (IV, 355 слл.).

В мифе о Протее Египтянине также можно заметить, как черты подлинной исторической действительности получают мифологическое отражение и осмысливание. В рассказе о способности этого царя превращаться в различных животных, по всей вероятности, отражены впечатления первых греков, видевших изображения фараона в виде сфинксов, соединяющих в себе черты человека и различных животных.

В «Одиссее» (IV, 219 слл.) упоминается миф об египетской царице Полидамне и супруге ее Тооне. Одноименный город, гавань Дельты, (Тонис) упоминается Диодором, (I, 19): при этом он указывает, что этот город является древнейшей гаванью Египта. Отсюда можно сделать вывод, что миф о Тооне, упоминаемый в цитированном выше месте «Одиссеи», является обычным этиологическим мифом. Точно так же город Джеду в Дельте Нила, бывший в египетской мифологии первоначальным местопребыванием Осириса, был назван греками Бусирисом и дал начало мифам о Бусирисе. Миф о Тооне может служить доказательством тому, что греки во времена создания «Одиссеи» хорошо знали морской путь, ведущий от Фароса к Канопскому устью, которое и в историческую эпоху было для греков морскими воротами Египта. Напротив, во времена Нового Царства морскими воротами Египта считалось Пелусийское устье, и иноземцы знакомились тогда больше с восточной частью Дельты. Начальник крепости Чару (около Таниса) носил звание «коменданта устьев»; это также может считаться свидетельством в пользу того, что восточное устье считалось главным. Отсюда мы вправе заключить, что

¹ Virolleaud, *Les nouveaux textes alphabetiques des Ras-Sharma*, Syria, 1953, стр. 187; Lefebvre G., *Grammaire de l'egypt. class.*, 1940, стр. 6. Cf. Gardiner A., *Ancient Egyptian onomastica*, v. II, Oxf. 1947, стр. 211;

гомеровское описание Египта сохранило воспоминание о более позднем периоде истории Египта.

В исследовании, посвященном Криту, Демарнь указывает, что гомеровские поэмы позволяют предполагать наличие прямых сношений между греческим миром и Египтом в XI—VII вв. до н. э.¹ Эти хронологические грани представляются слишком широкими: их следует сблизить на два века с той и другой стороны. IX и нач. VIII в.— таково на наш взгляд время, к которому относятся отношения между греческим миром и Египтом, отраженные в эпосе.

Глава VI. Первые греки в Египте

Поэмы Гомера, являющиеся первым литературным памятником греков и одновременно содержащие первые упоминания греков о Египте, могли возникнуть в эпоху, когда сложились уже прочные связи между различными частями Эллады и зародилось сознание греческого культурного единства, когда возникли культурные центры, в которых высокий тонус экономической и культурной жизни способствовал развитию интереса к миру, окружающему Элладу.

Таким центром экономической и культурной жизни архаической Греции был Милет: к середине VIII века до н. э. он стал господином морских путей в Восточной Эгеиде. Поэтому не следует считать простой случайностью, что именно милетяне (как сообщает Страбон— XVIII, 801) основали первое, или, во всяком случае, одно из первых — поселение греков на территории Дельты, Милетскую крепость. Кроме того, Стефан Византийский (s. v. Abydos) сообщает об основании в указанном месте еще одной колонии милетян. Нам известно из археологических источников, что усиленное проникновение греков в районы Ближнего Востока относится к середине VIII в. до н. э.: в это время основывается греческое поселение в устье реки Оронта (Аль-Мина). К середине VIII в. во внутренних делах Египта произошли изменения, которые также способствовали проникновению сюда чужеземцев. Страна распалась полностью, отсутствовали даже формальные признаки единства.

По-видимому, именно к этому времени относится начало активного проникновения греков в Дельту; судя по тому, как об этом рассказывает Страбон в уже цитированном месте, оно было далеко не мирным. Страбон ясно отличает Милетскую

крепость от Навкратиса, помещая последний в Саисском номе. Но, как мы увидим ниже, Страбон неправ, полагая, что Навкратис основали милетяне: анализ текста Геродота позволяет сделать вывод, что милетяне не жили оседлой жизнью в Навкратисе на первых порах существования этой общегреческой колонии и прибыли сюда, по-видимому, позже других¹.

Наряду с милетянами, активной колонизационной деятельностью в Египте занималось другое ионийское государство — Самос. Одна из колоний Самоса в Египте называлась «Остров блаженных». В названии, возможно, нашли отражение те немалые выгоды, которые извлекали из торговли с Египтом поселившиеся здесь греки. Геродот указывает, что это место находилось от Фив на расстоянии 7 дней пути.

Сохраненная Страбоном традиция о первоначальном проникновении греков в Египет называет Саисский ном в качестве места, куда греки впервые проникли и основали поселение, или торговую факторию, эмпорий. Ко времени вступления на престол Псамметиха I (начавшего править около 663 г. до н. э.), Саисский ном достиг значительного процветания, в основе которого лежали оживленные торговые отношения с греками и финикийцами, как сообщает Диодор (I, 67). Стремясь к объединению Египта вокруг Саисского нома, Псамметих должен был сломить сопротивление остальных номархов Дельты, которых Геродот называет «додекархами». С этой целью Псамметих широко привлекал на службу наемников — греков, карийцев, иудеев.

Поселения иностранных солдат в Египте всегда принимали характер военных лагерей. Геродот рассказывает о лагере Тирийцев (II, 112), о лагере иудеев упоминает Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XIV, 8, 2). Арамейские документы иудейской колонии в Элефантине говорят о том, что эта колония была основана Псамметихом I во время войны с ассирийцами¹. В этих поселениях наемники держались обособленно от местного населения и строили себе храмы своих национальных богов: эти храмы были своеобразными палладиумами, символами сохранения национального духа и традиций. Поселения греков в Пелусийском устье также получили название лагерей — Стратопеды. Псамметих поселил ионийцев и карийцев в лагерях в устье Пелусийского рукава Нила друг

¹ О более позднем проникновении милетян в Навкратис свидетельствуют и данные археологии — см. Gjerstad E., Naukratis again, *Acta Archaeologica*, XXX, 1959, стр. 160.

¹ См. К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 226; прим. 358 и ук. там литературу вопроса.

¹ Demargne P., *La Crète Dedalique*, P. 1947, стр. 110.

против друга, несколько ниже Бубастиса. Раздельное их поселение имело целью устранение распрей (как сообщает Страбон — XIV, 661 — между ионийцами и карийцами существовала исконная вражда). Кроме Стратопед, имелось еще поселение греков наемников, называвшееся Дафны — эти два поселения были предназначены для защиты египетского Истма, как справедливо указывает К. М. Колобова¹. Геродот лично побывал в этих местах, и в его годы в Дафнах стоял персидский гарнизон (II, 30): от Стратопед же остались только следы в виде корабельных стоянок (II, 154). Из пророчества Иеремии (2, 16) видно, что Дафны служили для фараонов форпостом, откуда они вторгались в Сирию и Палестину. По-видимому, откуда фараон Нехо выступил в экспедицию, которая сокрушила Иосию. Из раскопок, проведенных на месте Кархемыша, видно, что в составе египетского гарнизона Кархемыша были греческие наемники².

Можно полагать, что Геродот не назвал всех мест, где селились греческие наемники: археологи открыли к западу от Телл-Деффенеха — в Телл-Небешехе — руины поселения греческих солдат, происходивших с Кипра. Греки-наемники входили в состав особых войск фараонов Саисской династии; по-гречески эти войска назывались *alloglossoi* — «иноязычные» (по-видимому, это слово является переводом соответствующего египетского термина): мы встречаем это слово в знаменитой Абу-Симбельской надписи. Но греки занимали особое положение среди прочих «иноязычных»: это видно, например, из надписи на саркофаге египетского военачальника Педиматауи: в ней сообщается, что последний командовал корпусом «иноязычных», а также был начальником «Хау-Небу». Под последним термином в Саисскую эпоху всегда имелись в виду греки.

Исследование египетских текстов, в которых упоминаются Хау-Небу, дало повод некоторым исследователям — Эйслеру, Монте — утверждать, будто греки появились в Египте с очень древних пор — чуть ли не в эпоху Древнего царства. Самое глубокое и полное исследование текстов, где встречается этот термин, проделал Веркутте³. Оказалось, что в религиозных текстах Древнего царства этот термин встречается в значении «иностранцы» и связывается обычно со Средиземным морем.

¹ Ук. соч., стр. 200.

² Woolley L., *Carchemish*, II, Lond. 1921, стр. 125.

³ Vercoutter J., *Les Haou-nebout*, B I F A O, t. XLVI, 1947, Le Caire, стр. 125—158, B I F A O, XLVIII, 1949, стр. 107—203.

Глубокий анализ, проделанный Веркутте, не позволил ему, однако, соотнести Хау-Небу с каким-нибудь определенным народом древности: он указал лишь на то, что этот народ прибывал в Египет из района к северо-востоку от Дельты. Общепринятую точку зрения, согласно которой Хау-Небу — население каких-то островов Средиземноморья, Веркутте не опроверг. Ее поддерживал Гардинер¹, она же представлена в словаре Эрмана-Грапова.

Трудно допустить, чтобы греки появились в Египте до того, как они пришли на Балканский полуостров. Появление греков в Европе большинство относит к началу II тыс. до н. э.² но Хау-Небу появляются в египетских текстах в эпоху Древнего Царства. Этнические черты Хау-Небу, изображенных на египетских рисунках, не имеют ничего общего с греческим типом.

Писцы Саисской, а затем и Птолемеивской эпохи, когда архаизирующая тенденция в иероглифической письменности стала особенно заметной, использовали этот древний термин и перенесли его на греков потому, что последние прибывали в Египет тем же морским путем, что и древние Хау-Небу.

Монте попытался, следуя Эйслеру и другим, доказывать, что Хау-Небу являются эллинами; читая первую группу иероглифов, из которых состоит этот этникон, как «*helou*», он возводит это слово к древнегреческому слову «эллин». Рассуждение Монте отдает явной натяжкой, не говоря уже о том, что слово «эллин» стало этническим обозначением греков сравнительно поздно³.

Ранние языковые контакты греков с египтянами попытался проследить П. В. Ернштедт в своей работе «Египетские заимствования в греческом языке», АН СССР, 1953. Методологическая предпосылка автора, заключающаяся в том, что мы имеем право прибегнуть к египетской этимологизации каждый раз, когда этимология соответствующего греческого слова представляется нам неясной — не может, на наш взгляд, быть принята (см. стр. 121, 186 ук. книги). Слабым местом этимологии, устанавливаемых П. В. Ернштедтом, является то, что предполагаемые им заимствования не оправдываются исто-

¹ Gardiner A., *Ancient egyptian onomastica*, v. 1, стр. 206.

² Finley M. J., *The ancient Greeks*, 1963, стр. 1.

³ Montet P., *Le nom des grecs en ancien égyptien et l'antiquité des grecs en Egypte*, RA, 1947, 6e ser., t. XXVIII, стр. 1:9—144.

Шахермейр (*Griechische Geschichte*, 1960, стр. 58) подчеркивает, что этникон „эллин“ получил распространение только с VIII в. до н. э.

рически — мы не получаем объяснения причин того или иного заимствования. Иногда, указывая египетскую этимологию для одного греческого слова — напр., *stomakhos* — он не может указать этимологии для родственного слова — *stoma*¹. Все это заставляет отнестись с большой осторожностью к выводам автора: заимствования, не вызывающие сомнений, можно констатировать только для VIII в. или даже несколько позже.

Глава VII. Египет и греки в VI—V вв. до н. э.

Сложившиеся отношения между Египтом и Элладой нашли свое выражение не только в усиленной вербовке греческих солдат фараонами Саисской династии: за солдатом следовал купец, вместе с прочными экономическими связями завязывался культурный обмен.

Ко времени фараона Амасиса Геродот относит путешествие Солона в Египет (о нем упоминает и Плутарх в биографии Солона). То, что Солон отправился именно в Египет, нельзя считать простой случайностью: Плутарх сообщает, что Солон занимался морской торговлей с молодых лет и далекий морской путь в Египет мог быть ему известен. Мы не знаем, какие товары повез Солон в Египет и что он собирался привезти оттуда в Атику: но нет сомнения, что и в это время наиболее выгодным предметом экспорта из Египта был хлеб. Солон мог привезти в Египет изделия афинского ремесла, оливковое масло и вино: В это время в Египте уже жили оседлой жизнью греческие наемники, которых надо было снабжать теми же продуктами питания, к которым они привыкли у себя на родине.

Греки прибывали в Египет из различных частей Эллады, но особенно большие контингенты наемников поставлял, по-видимому, Кипр. Один из островов Нила, заселенный греческими наемниками киприотами стал называться Кипром (FHG, I, 286). Греческую надпись, написанную кипрским силлабарием, приобрел в Египте Голенищев². Недавно были открыты новые надписи киприотов, начертанные силлабарием и обычным алфавитом³. Оставил свои следы и греческий гарнизон в Мемфисе⁴.

¹ П. В. Эрнштедт. Из области древнейших египтизмов греческого языка, Палестинский сборник, вып. 3 (66), 1958, стр. 32.

² См. ЖМНП, 1908, 1—2, стр. 19 слл.

³ Masson O., Inscriptions grecques et chypriotes du temple d'Achoris à Karnak, R Ph, XXXII, 1958, стр. 92.

⁴ Jeffery L. H., The local scripts of archaic Greece, Oxf, 1961, стр. 355.

Главной базой греческого влияния в Египте со времен Амасиса стал Навкратис.

О заселении греками Навкратиса рассказывает Геродот (II, 178). Город находился на берегу Канопского рукава Нила, куда в свое время прибывал Солон. К. М. Колобова, сопоставив данные археологических исследований этого района, допускает, что проникновение греков в этот район началось еще при Псамметихе I¹.

Анализ текста Геродота может дать некоторые данные о степени участия различных греческих полисов в создании этой общегреческой колонии. Но необходимо сразу же оговорить, что исследователи делают очень часто ошибку, утверждая, что Геродот рассказывает о том, как была основана эта колония. В действительности, он сообщает только некоторые детали религиозной жизни греков Навкратиса, и судить об этой колонии приходится на основании этих косвенных данных.

В указанном месте Геродот сообщает, что самый большой темен — Элленнион — основали сообща Хнос, Теос, Фокея, Клазомены, Родос, Книд, Галикарнасс, Фаселида и Митилена. Они же выдвигают простатов эмпория (то-есть фактически управляют городом). Тем же эллинам, кто не хотел жить в Навкратисе оседлой жизнью, Амасис дал право занимать определенные места для сооружения алтарей и теменов своим богам. Далее Геродот сообщает, что такой отдельный темен имели милетяне, (по-видимому, не пожелавшие жить оседлой жизнью в Навкратисе или вовремя там не обосновавшиеся)². Вероятно, основной базой влияния Милета в районе Дельты была все же «Милетская крепость». В цитированном месте Геродот ясно обнаруживает свою заинтересованность в делах Навкратиса, сообщая, что все те, кто претендует на участие в управлении Навкратисом (помимо тех девяти полисов, которые выдвигают простатов эмпория) — не имеют на это никакого права. Один из этих девяти полисов — Галикарнасс — был его родиной. Итак, можно предполагать, что Милет, Эгина и Самос вначале не принимали участия в создании Навкратиса, и лишь впоследствии, в связи с ростом этого эмпория, стали добиваться в нем для себя определенных позиций: Возможно, что 9 полисов, которые объединились в один

¹ К. М. Колобова, ук. книга, стр. 211. Ср. САН, IV, 1960, стр. 108: „Excavations have shown that the city flourished from about the middle of the seventh century“.

² На территории этого темена милетяне в VI веке четырежды перестраивали храм Аполлона (см. E. Gjerstad, op. cit., стр. 147).

общий темен — Элленнион — были вынуждены это сделать, чтобы успешно противостоять названным выше трем крупным морским государствам. Объединение было необходимо и для организации общегреческого эмпория, регулирования цен, налаживания отношений с египетским правительством. В названии этого темена — Элленнион — ясно проявилось сознание общегреческого этнического единства.

Приезжавшие в Навкратис греки сохраняли свое прежнее гражданство и строили на чужбине храм своего бога покровителя: «Истинной религией древних был культ их собственной национальности, их государства»¹.

Афиной (IV, 149 F) сохранил нас сообщение историка Гермия, откуда видно, что Навкратис во многом походил на остальные греческие полисы: здесь был Пританей, коллегия Дионисиаков, справлялись праздники Аполлона Коменя. Вероятно, имели место и выборы должностных лиц. К. Рёбак предполагает, что простаты выбирались членами Элленниона — гражданами Навкратиса².

Как справедливо отмечает Сальмон, Амасис отвел грекам Навкратис для поселения не только потому, что удовлетворял таким образом ксенофобии египтян, но одновременно преследовал и финансовые выгоды³. Сосредоточение греческих купцов в одном месте облегчало египетскому правительству взимание торговых пошлин.

Афины принимали в VI в. до н. э. самое активное участие в торговле с Египтом. Архаические монеты Афин обнаружены в самых различных частях Дельты: открыто большое количество фрагментов аттической чернофигурной керамики с именами Эрготима, Клития, Эрготелеса, Сондра; найдена также в Египте ваза переходного краснофигурного стиля с именем Никостена⁴.

Навкратис поддерживал оживленные торговые отношения со всей Элладой: об этом свидетельствует огромное количество фрагментов обнаруженной в Навкратисе керамики⁵, среди

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 99.

² Roebuck G., *Ionian Trade and Colonisation*, N—Y, 1959, стр. 135.

³ Salmon P., *La politique égyptienne d'Athènes*, Br. 1965, стр. 18.

⁴ Salmon P., *ук. книга*, стр. 54.

⁵ Необходимо отметить, что керамика, производившаяся восточно-греческими мастерскими в VII в. до н. э. (так наз. «ориентализирующего стиля»), не всегда может быть точно локализована, как показывает В. Ширинг в своей работе (Schiering W., *Werkstätte orientalisierender Keramik auf Rhodos*, Berl. 1957, стр. 1). Так, по стилистическим особенностям Ширинг связывает родосскую керамику типа «Властос» с определенной группой милетской, хиосской, самосской и навкратийской керамики.

которой представлены почти все известные нам мастерские греческого мира. Особенно большое количество фрагментов открыто в так называемой «траншее ваз», перерезающей темен храма Аполлона Милетского. Все эти *ex voto* были священными предметами и не могли быть выброшены как ненужный хлам. Наиболее ранние образцы открытой в Навкратисе керамики относятся к VII в. до н. э. (вторая половина): следует полагать, что около этого времени и была основана торговая фактория (эмпорий) греков в этом месте.

В конце XIX, а особенно в начале XX в. археологи (Хуго Принц, Е. Прайс, Е. Бушор и др.) находили возможным выделять среди находимой в Навкратисе керамики вазы местного производства. Фрагменты навкратийской керамики были обнаружены в различных районах, хотя целых ваз найдено всего несколько: при раскопках некрополя на острове Березань был найден навкратийский килик, изданный Н. Энман¹. На этом же острове было найдено большое количество фрагментов навкратийских сосудов: их открывают также в Ольвии и Керчи².

С другой стороны, отмечается особая близость этих так называемых навкратийских ваз к хиосской керамике. К. М. Колубова принимает, с некоторыми оговорками, выводы Кука о хиосском происхождении ваз навкратийского стиля³. Хотя существует много данных, чтобы допускать существование керамических мастерских в Навкратисе, вопрос не является до конца решенным. В пользу хиосского происхождения навкратийской керамики высказывается и Герштад в цитированной статье⁴.

¹ ИАК, вып. 40, 1911, стр. 142 слл.

² ИАК, 1911, стр. 142 слл.; см. также отчеты археологической комиссии за 1905 (СПб, 1908, стр. 36); 1906 (СПб, 1909, стр. 54); 1907 (СПб, 1910, стр. 68); 1908 (СПб, 1912, стр. 85 слл.). О новейших раскопках на Березани см. работы Болтенко М. в «Археологічні пам'ятки УРСР», Київ, 2, 1949, стр. 31 слл.; Славина Л., «Наукові записки Київск. державн. Університ.», 15, вып. 6, 1956, стр. 157 слл.; Лапина В., КСИА АН СССР, 11, 1961, стр. 43 слл. См. также Лапин В., Проблемы греческой колонизации, автореферат диссертации, ЛГУ, 1963, стр. 18.

³ Ук. книга, стр. 320 (прим. 283).

⁴ В отечественной научной литературе хиосское происхождение так называемых навкратийских ваз отстаивает М. В. Скуднова (Хиосские кубки из раскопок на острове Березани, СА, № 4, 1957, стр. 128—139). Все же трудно допустить, чтобы навкратийцы заказывали вотивные предметы (с заранее выцарапанными на них посвящениями навкратийским богам) на Хиосе, расположенном довольно далеко от Египта. Будучи людьми, связанными с торговлей, они не могли не учесть, что перевозка хрупкой

Для керамики, предположительно считающейся навкратийской, характерным является использование сюжетов, связанных с Египтом. В Навкратисе обнаружены следы мастерских, в которых изготавливались изделия, свойственные египетскому ремеслу — как, например, скарабеи, которые, как отмечал Фл. Петри, отличаются своим не-египетским характером. Так как Навкратис, как было выяснено в результате раскопок, — делился на две части, греческую и туземную, здесь могли сыграть свою роль постоянные контакты между египетскими и греческими ремесленниками.

Греческие надписи, имеющие отношение к Навкратису, позволяют установить интересное явление: греки долго не считали Навкратис полисом и употребляли вместо этого названия просто слово «Египет». В речи, приписываемой Демосфену и вошедшей в демосфеновский корпус — «Против Дионисодора» — постоянно говорится о Египте, хотя ясно, что речь должна идти о Навкратисе. (Клеомен из Навкратиса, бывший здесь наместником в 330—328 гг., использовал создавшееся на рынках положение для бешеной спекуляции хлебом).

Навкратис оказался прообразом будущей Александрии в экономическом и культурном отношении.

Греко-египетские отношения в период от персидского завоевания до конца V в. до н. э.

История завоевания персами Египта изложена Геродотом в III книге его сочинения и сообщаемые им данные позволяют проникнуть в характер отношений, сложившихся между завоевателями и египтянами. Атмосфера ненависти, которой персы оказались окружены, способствовала усилению позиции прибывающих в Египет греков. Тем не менее, в походе Камбиза участвовало значительное количество греков: 40 кораб-

керамики по морю обходится гораздо дороже, чем производство на месте. Греческие колонии легко налаживали на новом месте производство традиционных типов ваз (ср. В. Д. Блаватский, История античной расписной керамики, изд. МГУ, 1953, стр. 32). Но ремесленники Навкратиса не создали своего особого стиля в декорровке и следовали восточно-греческому ориентализирующему стилю (преобладающее влияние имели здесь восточные ионийские полисы).

На кубке, найденном на о. Березани и принадлежащем к указанному типу (Эрмитаж, инв. № Б-55) изображена женщина, держащая в руке цветок лотоса: изображения лотоса встречаются в орнаменте этих кубков особенно часто (ср. Б-406, Б-457 и др.). Лотос — характерное растение нильского пейзажа, поэтому навкратийское происхождение этих кубков более вероятно.

лей предоставил в распоряжение Камбиза тиран Самоса Поликрат. Кроме того, в войске Камбиза были эолийцы и ионийцы, как сообщает Геродот в начале III книги, а также жители Кипра. Одни из них, как указывает историк (III, 139), шли с тем, чтобы стать наемниками, другие отправились в Египет с торговыми целями, третьи стремились удовлетворить свою любознательность.

Действия утвердившихся в Египте персов оскорбляли религиозные чувства туземного населения. Одной из интереснейших деталей является рассказ Геродота об убийстве Камбизом священного быка Аписа (III, 29). Новейшие исследователи (Познер, Кинитц) отводят это свидетельство как недостовверное. Но значение этого сообщения Геродота очень велико, мнение о его недостовверности набрасывает тень на автора; поэтому сообщение Геродота нуждается во внимательном анализе.

Важнейшим египетским источником, на основании которого упомянутые выше исследователи отводят это сообщение Геродота, являются стелы Аписов, надгробные памятники этих быков, открытие в Серапейоне у Мемфиса. Близко по времени к указанному событию могут быть отнесены две стелы. В первой говорится об Аписе, который родился 29 мая 525 г. и умер 31 августа 518 г. Так как он пережил Камбиза, то совершенно ясно, что он не может быть тем быком, которого убил этот царь. Другая стела принадлежит Апису, скончавшемуся в августе 524 г. Было высказано мнение, что это и есть убитый Камбизом Апис: но Кинитц следуя Познеру, отводит это мнение вследствие возникающей трудности: с мая 525 по август 524 г. в Египте оказываются сразу два Аписа! Кинитц выходит из положения, допустив, что скончавшийся в 524 г. Апис на деле умер раньше, до вторжения персов¹, и только возникшее в результате вторжения персов смятение помешало его захоронить по соответствующему (очень сложному) обряду. Но трудно представить себе, чтобы египетские жрецы могли открыть другого Аписа, не захоронив скончавшегося: допущение Кинитца противоречит религиозным установлениям египтян.

Гораздо проще предположить, что жрецы, после того как Камбиз ударил кинжалом священного быка и тем самым лишил его святости, произвели его детронизацию, и время убитого Камбизом быка присоединили ко времени правления следующего: 15 месяцев существования двух Аписов есть в дей-

¹ Kienitz K., Die politische Geschichte Aegyptens..., В., 1953, стр. 58.

ствительности время жизни быка, убитого Камбизом. Точно так же шестимесячное правление Псамметиха III было в официальных документах Египта этого времени присоединено ко времени правления Камбиза; персы с самого начала признали правление Псамметиха III не законным.

Следы смятения и чрезвычайных мер можно заметить в самой надгробной стеле этого Аписа (скончавшегося в 524 г.), а также в надписи на наофорной статуе Уджагор-ресента.

При Дарии I Египет был превращен в шестую сатрапию, во главе которой был поставлен Арианда. Он выпускал серебряную монету, соответствовавшую греческой тетрадрахме. На монете был изображен сам сатрап сидящим на колеснице: имя его было вычеканено греческими буквами. Это ясно говорит о той роли, которую продолжали играть греки в экономической жизни страны.

Геродот прибыл в Египет тогда, когда персы были там полными хозяевами: случайно оброненное им замечание позволяет предположить, что персы сняли ограничения, которые во времена саисской династии были введены для греков. Описывая, как египтяне приносят жертвы богам, (II, 39) Геродот сообщает, что они отрезают голову у жертвенного животного, и, произнеся над ней заклятия, несут ее на рынок, где бывают греческие купцы, чтобы продать им эту голову. Те же, которые живут вдали от рынков, бросают голову в реку.

Отсюда ясно, что греческие купцы в это время уже не жили в одном месте, как это было при Амасисе, но получили право свободного передвижения по стране.

Национально-освободительное движение в Египте с особой силой разгорелось во время смут, которые начались после убийства Ксеркса в 465 г. Восстание возглавил один из ливийских династов, Инар, сын Псамметиха: около 463 г. он вторгся в оккупированные персами районы Дельты¹. Ему оказали помощь Афины, в ответ на соответствующую просьбу Инара. Источники не позволяют определить с абсолютной точностью время начала этого похода, но наиболее вероятной датой следует считать 462 г. до н. э., когда в Афинах шла борьба вокруг реформы Ареопага: есть основания полагать, что с самого начала походом командовал Кимон, который затем вернулся в Афины в связи с обострившейся политической борьбой и оказался изгнан остракизмом.

¹ Сальмон (ук. книга стр. 95) помещает начало восстания Инара между 463 и 461 г. до н. э.

Афины были заинтересованы в Египте, являвшемся важнейшим поставщиком товарного хлеба: здесь могли объединиться интересы всех политических группировок. Стремясь заручиться поддержкой могущественного Афинского морского союза, династы Дельты присылали в Афины транспорты с хлебом в качестве дара афинскому народу (известен случай, когда один из династов Дельты прислал в дар Афинам 30 000 — по другим источникам 40 000 медимнов хлеба).

Глава VIII. Роль Египта в международных отношениях греков с Востоком в IV в. до н. э.

Воцарившаяся в Египте в 399 г. Мендесская династия пыталась утвердить свое господство, следуя установившейся традиции — опираясь на греческих наемников. В 396 г. царь Спарты Агесилай заключил союз с царем «Неферевсом»: союз был выгоден обеим сторонам, так как Спарта вела войну против Персии, враждебной Египту. Искусную внешнюю политику вел правивший с 392 г. фараон Акорис, воскресивший союз с Афинами в 388 г. до н. э. Особенно важен был Кипр. При попытке объединить весь остров, кипрский царь Евагор столкнулся с персами, и естественным союзником его в этой борьбе стал Египет. К весне 387 г. Кипр был покорен Евагором, но заключение в 386 г. Анталкидова мира дало возможность персидскому царю начать покорение мятежного Кипра. Война между Персией и кипрским царем Евагором началась, по-видимому, сразу же после заключения Анталкидова мира. Но до войны с Евагором персы предприняли попытку вновь покорить Египет: в этом походе войсками персов командовали Аброком, Титрауст и Фарнабаз¹. Ядро армии египтян составили греческие наемники: но после Анталкидова мира — по крайней мере, на первых порах — для египетского царя стало труднее создавать армию греческих наемников вследствие условий Анталкидова мира.

Акорис оказывал посильную помощь грекам Кипра, прекрасно понимая, что после взятия этого острова персы бросят свои силы против Египта: но неудачный ход войны заставлял египетского царя уменьшить помощь Евагору. Последний потерпел поражение, но сумел выговорить для себя сносные

¹ Этот поход принято относить к 385—383 гг. до н. э. — так полагает, например, Киниц (Kienitz K., op. cit., стр. 85; Холл в САН, VI, 1953, стр. 146), но существуют данные, противоречащие этой датировке и заставляющие принять несколько иную.

условия мира. Исократ в речи «Евагор» определяет продолжительность войны Евагора с Персией в 10 лет — по-видимому, отсчитывая годы с того момента, как Евагор начал захватывать кипрские города, принадлежавшие персам, то-есть с 389 г. до н. э. (Euaq., 64).

В 374 г. до н. э. вновь начались открытые военные действия между Египтом и Персией. Командовавший персидскими войсками Фарнабаз добился от Афин, чтобы они дали ему в качестве командира греческих наемников Ификрата. Но еще до этих событий в Египте побывал другой афинский стратег Хабрий, принявший активные меры к обороне Египта. Между Фарнабазом и Ификратом все время происходили раздоры и в конце-концов Ификрат (вероятно, не без одобрения афинского правительства) бежал из лагеря Фарнабаза. Афинское правительство поддержало своего стратега.

Дальнейшее развитие греко-египетских отношений не вполне ясно. Последовавшее в начале 60-х гг. IV в. до н. э. восстание сатрапов в общем оказалось благоприятным обстоятельством для борющегося против персов Египта. В это время египетские правители поддерживают особо тесные отношения со Спартой, превратившейся в своеобразное государство-поставщика командиров наемных войск. Но не забываются и старые связи с Афинами, о чем говорит надпись IG II², I, 119.

К лету 361 г. в Египет по приглашению фараона Таха прибывает престарелый Агесилай со спартанскими советниками и воинами, чтобы возглавить войско греческих наемников фараона. По своей инициативе в Египет прибыл Хабрий, вставший во главе египетского флота: последний дал египетскому царю ряд ценных советов в деле изыскания средств на ведение войны с персами, использовав опыт афинского финансового управления. В начавшейся затем междуусобной войне в Египте Агесилай неизменно оказывался на стороне сильнейшего. Традиция об этих событиях носит следы полемики среди греческих историков и публицистов, некоторые из которых всеми силами старались завуалировать факт предательства Агесилая (Ксенофонт). Напротив, Плутарх в биографии Агесилая прямо пишет о бесчестном поступке спартанского царя.

Сложная международная обстановка в середине 50-х гг. IV века до н. э., в результате которой позиции Персии усилились, а на международную арену выступили новые силы, складывалась не к выгоде Египта. После союзнической войны усиливается получивший самостоятельность Родос: родосцы выступают в качестве командиров наемных войск в Египте. По-

пытки персидского царя завоевать вновь Египет в 359, а затем в 350 гг., потерпели неудачу: но начиная с 345 г. персидский царь Артаксеркс III Ох предпринимает новые походы против отпавших от Персии областей Ближнего Востока.

Поход против Финикии, Кипра и Египта был задуман царем как единая большая кампания. Во главе войска, вторгнувшегося на Кипр, был поставлен афинский полководец Фокион.

В походе против мятежного Египта персидскому царю удалось заручиться поддержкой ряда греческих государств. Помощь царю оказали фаванцы и аргосцы. Но главной военной силой как на стороне царя, так и на стороне мятежного Египта оказались греческие наемники.

В 343 г. до н. э. Артаксеркс взял Египет и предпринял ряд суровых мер против египетских городов и жречества, стремясь предотвратить восстания в будущем. Древняя империя фараонов оказалась разрушенной — на этот раз навсегда.

После кратковременного десятилетнего господства ненавистных египтянам персов, в страну пришли македоняне и греки Александра Македонского, которых туземное население восторженно приняло как освободителей от персидского ига. Начался новый этап в истории этой страны.

Глава IX. Торговля греков с Египтом: производство и вывоз папируса

Главными товарами, за которыми греки прибывали в Дельту, были хлеб, папирус, стеклянные изделия и льняные ткани. К сожалению, у нас нет источников, которые могли бы пролить свет на вопрос, как была организована эта торговля в до-александрийский период: археологические данные тоже весьма скудны. По-видимому, характер этой торговли на протяжении веков претерпевал известные изменения, одни товары отступали на задний план, другие приобретали первостепенное значение — как это, например, случилось с папирусом. В V и IV вв. до н. э., в связи с бурным развитием литературы и книжного дела в материковой Греции этого материала стало требоваться все больше и больше. Единственным поставщиком папируса был Египет. Но для того, чтобы получить хотя бы самое общее представление о производстве и вывозе этого важнейшего материала, на котором, по меткому выражению Плиния Старшего основывалась человеческая культура (*humanitas vitae*) древности, поневоле приходится обращаться к поздним по времени источникам.

Кроме краткого описания растения, которое оставил Феофраст в своей «Истории растений» (IV, 8, 3) и еще более краткого замечания Геродота по поводу этого растения (II, 92), не содержащего упоминания об изготовляемом из этого растения писчем материале (это дало повод Дзяцко ошибочно утверждать, будто во времена Геродота писчий материал изготовлялся из другого растения¹) — главным источником является XIII книга «Естественной истории» Плиния Старшего (глл. 68—89). К сожалению, текст здесь испорчен и требует в ряде случаев конъектур для воссоздания смыслового изложения. Неясность усугубляется дилетантскими методами работы Плиния, некритически перелагавшего и смешивавшего различные источники без достаточного понимания, по-видимому, и самого существа дела. Отсюда происходит и разноречивость в терминологии, когда Плиний пользуется то греческими, то латинскими терминами для обозначения одного и того же предмета. Но в основных чертах процесс, описанный Плинием, соответствует действительности: ученые, пользуясь его описанием, изготовили опытные образцы папируса-бумаги.

Плиний называет различные сорта папируса-бумаги, которые являются традиционными: эти названия (Саитика, Тенотика, Амфитеатрика) — говорят о том, что главным районом производства была западная часть Дельты (Саисский и Себеннитский номы названы Плинием). Это как раз та часть Дельты, где издавна бывали и селились греки. По-видимому, спрос рождал предложение, и производство здесь развивалось под влиянием усиленного спроса на этот материал со стороны греков.

Во времена Птолемея производство папируса-бумаги или харты было монополией царя — это окончательно стало ясным после опубликования папируса P. Tebt. 709. Трудно представить себе, чтобы дело могло обстоять иначе: Птолемеи, эти крупнейшие дельцы и богатейшие монархи древности, умели из всего извлекать доход, и конечно, не могли пройти мимо производства харты, потреблявшейся всем цивилизованным миром древности. «Хартера» была чем-то вроде монополии на масло, и правительство Птолемеевского Египта собирало налоги с потребителя (не говоря уже о доходе, который поступал от монопольной продажи). Из цитированного выше папируса видно, как правительство боролось с «тайно торгующими» (как можно понять термин *antipolountes*) и «тайно про-

¹ Dsiatzko K., Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens, L. 1900, стр. 31.

изводящими» (как мы склонны понимать термин *diakolpiscuontes*).

Труд работника, производившего папирус, был поразительно дешевым, как видно из Pap. Teb. I, 112.

Учитывая необыкновенную консервативность египетского уклада жизни, а также то, что Птолемеи очень многое унаследовали из традиционных для Египта форм экономической и политической жизни, мы имеем право допустить, что и в производстве и продаже папируса бумаги они унаследовали положение, существовавшее до македонского завоевания — положение восходящее ко времени Саисского Египта.

Глава X. Заключение

Когда Александр в конце 332 г. до н. э. двинулся на Египет, он знал, что коренное население страны ненавидит персидских завоевателей. С момента завоевания Камбиза египтяне вели упорную борьбу за освобождение от персидского ига, и в этой борьбе греки принимали самое активное участие, чаще на стороне египтян. Различные греческие государства добивались преимущественного положения для себя в этой стране. Контакты греческой и египетской цивилизаций могут быть прослежены со времен Гомера: не может быть сомнения в том, что на первых порах высокая культура Египта с ее могучими тысячелетними традициями оказала особое влияние на зарождающуюся эллинскую цивилизацию.

Можно допустить, что прямые контакты греков с Египтом завязались в конце микенской эпохи, но для Гомера этот период являлся историей. Картина Египта, нарисованная в эпосе, лучше всего могла бы соответствовать концу IX—VIII вв. до н. э. Первый период проникновения греков в эту страну сопровождался грабежами и насилием, чинившимися греческими пиратами над туземцами. Слово «ионец», произносившееся в это время с дигаммой («яван») стало у египтян, как и вообще на Ближнем Востоке, обозначением греков, (а так как дигамма в ионийском языке перестала произноситься около VII в. до н. э., мы получаем таким образом *terminus ante quem* проникновения греков в эту страну). С середины VIII в. до н. э. начинается второй период в процессе греко-египетских контактов, характеризующийся налаживанием мирных отношений. С середины VII в. до н. э. начинается третий период, когда греки начинают селиться в Египте: греческие наемники становятся основной военной силой Саисской династии. С момента, когда Амасис предо-

ставил грекам Навкратис в качестве города, где они могли жить оседлой жизнью, начинается четвертый и последний период проникновения греков в Египет. Греко-македонское завоевание приводит к созданию эллинистического государства Птолемеев, вобравшего в себя весь многовековой опыт греко-египетских контактов. Саисский Египет создал условия для возникновения эллинистического государства в долине Нила.

СПИСОК

опубликованных материалов по теме диссертации «Греки в Египте»

(от древнейших времен до Александра Македонского), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук

1. Эллада и Восток в древнейший период — тезисы доклада на второй научной региональной сессии Волго-Вятского района, Горький, 1965.
2. Ахейцы в Малой Азии — ВДИ, 1964, № 3.
3. Античные авторы о производстве папируса-бумаги.— Ученые записки Горьковского государственного университета, вып. 52, 1961.
4. Папирусные свидетельства о производстве и продаже харты — сборник. «Проблемы соц-экономической истории древнего мира», памяти академика А. И. Тюменева, изд. АН СССР, 1963.
5. Территория Эллады и Египет в древнейший период.— Уч. зап. Горьковского государственного университета, вып. 67, 1965.
6. Ахейцы и морские народы, напавшие на Египет в конце XIII — нач. XII в. до н. э.— Уч. зап. Горьковского государственного университета, № 67, 1965 г.
7. Ахейцы в традиции об основании Кирены.— Уч. зап. Горьковского государственного университета, № 67, 1965.
8. Египет и греки в VI—V вв. до н. э.— Уч. зап. Горьковского государственного университета, № 67, 1965 г.
9. Гомер и Египет.— Сборник «Иностранная филология», № 9, серия «Питання класичної філології», № 5, Изд. Львовского университета, 1966.
10. Пифагор в Египте — тезисы доклада на III Всесоюзной конференции по вопросам классической филологии, изд. Киевского университета им. Т. Шевченко, Киев, 1966.

МЦ 00124. 3 тип. обл. упр. по печати, г. Горький. Зак. № 2020,
тир. 200, 4.11.66 г., объем 2 п. л.